

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

ОТ ИМЕНИ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рига, 22 октября 2002 года

Дело № 2002-04-03

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Айварс Эндзиньш, судьи Илзе Скултане и Анита Ушацка,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики, пункта 3 статьи 16, пункта 11 части первой статьи 17, статей 19² и 28¹ Закона о Конституционном суде,

по конституционным жалобам Валдиса Страутниекса и Каспарса Зандбергса в письменном процессе рассмотрел дело

«О соответствии пунктов 59.1.6, 66 и 68 «Правил внутреннего распорядка следственных тюрем» статьям 89, 95 и 111 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1.1. До утраты государственной независимости в Латвии статус находящихся в предварительном заключении лиц устанавливал «Закон о заключенных». Данный закон относился как к исполнению наказания, так и к средствам безопасности и защиты общества. Статья 191 данного закона устанавливала, что «предварительное заключение является средством лишения обвиняемых возможности уклониться от расследования и суда, а также скрыть следы преступного деяния. На обвиняемых в местах заключения налагаются только такие ограничения, которые лишают их возможности препятствовать расследованию их дел и которые необходимы для поддержания в местах заключения надлежащего порядка и безопасности.» К обвиняемым применялся ряд исчерпывающе перечисленных условий, которые применялись к осужденным, но с предусмотренными законом исключениями.

К обвиняемым применялись также условия статей 137-147 о поддержании порядка и безопасности. Статья 140 устанавливала дисциплинарные взыскания. В том числе и «помещение в светлый карцер до двух недель» и «помещение в темный карцер до одной недели». При

помещении в светлый или темный карцер на наказанного распространялся также запрет держать в камере книги, газеты, другие издания, тетради, письменные принадлежности и другие предметы, встречаться с родственниками и другими лицами, получать принесенные снаружи питательные вещества, использовать для своих нужд личные или заработанные деньги, а также пользоваться постельными принадлежностями.

Дисциплинарные взыскания налагал начальник места заключения, выслушав предварительно пояснения виновного и выяснив обстоятельства нарушения. О наложенных на обвиняемых дисциплинарных наказаниях начальник места заключения должен был сообщить соответствующему прокурору или судье.

1.2. 29 августа 1991 года Верховный Совет Латвийской Республики принял постановление «О применении законодательных актов Латвийской ССР на территории Латвийской Республики», которым установил, что до принятия соответствующих кодексов или других законодательных актов Латвийской Республики на территории Латвийской Республики применяется ряд нормативных актов Латвийской ССР, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской ССР (Латвии) (далее – УПК).

В данное время десятый раздел УПК «Кратковременное задержание и предварительное заключение» кроме прочего устанавливает основание для предварительного заключения, места предварительного заключения, правовое положение содержащихся в местах заключения лиц, основные требования к режиму, права и обязанности арестованных лиц, а также средства стимулирования и наказания, которые следует применять к арестованным лицам. В части второй статьи 427 УПК было установлено, что «арестованных, которые злонамеренно нарушают требования режима, по мотивированному решению начальника места предварительного заключения можно заключить в карцер на срок до десяти суток, а несовершеннолетних – до пяти суток».

1.3. 5 февраля 1992 года Верховный Совет Латвийской Республики принял закон «Об изменениях и дополнениях в Уголовно-процессуальном кодексе и Кодексе Латвии об административных нарушениях», которым кроме прочего исключил из кодекса упомянутый раздел, считая, что порядок содержания находящихся в предварительном заключении лиц не является вопросом УПК.

Одновременно в УПК был сохранен раздел 6, который регулирует применение мер безопасности, в том числе ареста. Статья 68 УПК в действующей редакции устанавливает право применения средства безопасности, «если имеется достаточное основание для возможности, что обвиняемый или подсудимый, будучи на свободе, уклонится от расследования и суда или будет препятствовать выяснению правды по уголовному делу, в том числе путем угрозы или влияния на дающих показания по уголовным делам лиц, либо совершит преступное деяние, а также для обеспечения исполнения приговора».

30 июня 2002 года Сазьма приняла закон «Изменения в Уголовно-процессуальном кодексе», который вступил в силу 1 ноября 2002 года. Данный закон предусматривает дополнить статью 76 УПК частями пятой и шестой в следующей редакции:

«Арестованные лица содержатся в следственной тюрьме или в отделении следственной тюрьмы, которое создано в тюрьме иного вида. Арестованных военнослужащих можно содержать на гауптвахте.

Порядок помещения и размещения арестованных, распорядок дня, права и обязанности, медицинское обслуживание и материальное обеспечение, меры безопасности, порядок освобождения арестованных из следственной тюрьмы или перемещения в другое учреждение лишения свободы устанавливается Кабинетом Министров.»

1.4. При восстановлении государственной независимости Латвия унаследовала от советского режима систему мест заключения, которая подчинялась Министерству внутренних дел. В момент вступления в силу главы 8 Конституции Латвийской Республики (далее – Конституция) «Основные права человека» порядок содержания арестованных устанавливала утвержденная 30 апреля 1994 года приказом № 113 министра внутренних дел «Инструкция о порядке содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных лиц в следственных тюрьмах Министерства внутренних дел».

1.5. С 1 января 2000 года, на основании закона «О государственном бюджете на 2000 год» и протокольного решения заседания Кабинета Министров от 21 декабря 1999 года «О передаче Управления мест заключения и находящихся в его подчинении учреждений под надзор Министерства юстиции», Министерство внутренних дел передало и Министерство юстиции переняло под свой надзор Управление мест заключения и находящиеся в его подчинении учреждения.

1.6. 9 мая 2001 года распоряжением № 1-1/187 министра юстиции были утверждены «Временные правила порядка содержания подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных лиц в следственных тюрьмах» (далее – Временные правила). Глава У данных правил «Поощрения, наказания и порядок их применения» кроме прочего предусматривает, что за нарушения установленного в следственной тюрьме внутреннего распорядка и дисциплины совершеннолетних арестованных можно поместить в штрафной изолятор на срок до 15 суток. Поместить в штрафной или дисциплинарный изолятор можно только арестованных и осужденных лиц, которые совершили грубые или систематические нарушения установленного в следственной тюрьме режима.

Пункт 43 Временных правил предусматривает, что грубыми нарушениями режима считаются: 1) физическое сопротивление работникам следственной тюрьмы; 2) физическое воздействие на других арестованных или осужденных или иное унижение их достоинства; 3) использование, хранение или распространение алкогольных напитков, наркотиков или неразрешенных психотропных медикаментов; 4) участие в карточной игре или иной игре для получения материальных или других благ, и вымогание выигрышей; 5) отказ от выполнения законных требований работника следственной тюрьмы; 6) преднамеренная порча тюремной собственности. Систематическими нарушениями режима считаются нарушения Правил внутреннего распорядка следственных тюрем, которые совершены два или несколько раз, если за предыдущее нарушение в течение последнего полугодия было наложено дисциплинарное наказание.

В свою очередь, статья 44 Временных правил устанавливает, что «список лиц, которые имеют право применять поощрения и налагать дисциплинарные

наказания на арестованных, а также объем их полномочий регламентируются Правилами внутреннего распорядка следственных тюрем».

9 мая 2001 года пунктом 2 распоряжения № 1-1/187 министра юстиции начальнику Управления мест заключения В.Захарсу поручено до 14 мая упомянутого года разработать и утвердить «Правила внутреннего распорядка следственных тюрем».

1.7. Такие правила начальник Управления мест заключения В.Захарс утвердил приказом № 63 от 9 мая 2001 года.

В «Правила внутреннего распорядка следственных тюрем» включена глава VII «Должностные лица, которые применяют к арестованным поощрения и налагают дисциплинарные взыскания». Согласно пункту 59.1.6 помещать совершеннолетних арестованных в штрафной изолятор на срок до 15 суток правомочен начальник тюрьмы.

Включенный в упомянутую главу пункт 64 предусматривает, что «в штрафной изолятор арестованному разрешается брать с собой предметы личной гигиены и все записи и документы по уголовному делу. Туалетные принадлежности хранятся в отдельном помещении и их выдают только в предусмотренное для туалета время.»

Включенный в упомянутую главу пункт 66 устанавливает, что «личные вещи арестованного и питание передаются на хранение на склад, и они возвращаются после освобождения из штрафного изолятора. Если продукты испортились, об этом составляется акт, если возможно, в присутствии арестованного, и на основании заключения медицинского работника они уничтожаются.»

В свою очередь, пункт 68 предусматривает, что «к арестованным, нарушающим установленный в штрафном изоляторе режим, могут применяться все предусмотренные наказания и меры безопасности, в том числе повторное помещение в штрафной изолятор. Началом нового наказания – повторного помещения в штрафной изолятор – считается последний день отбытия предыдущего наказания.»

2. Заявители конституционной жалобы Валдис Страутниекс и Каспарс Зандбергс (далее – заявители) в заявлении оспаривают соответствие пунктов 59.1.6, 65, 66 и 68 «Правил внутреннего распорядка следственных тюрем» (далее – оспариваемый акт) статьям 89, 95 и 111 Конституции.

4-я коллегия Конституционного суда возбудила дело в части о соответствии пунктов 59.1.6, 66 и 68 оспариваемого акта (далее – оспариваемые нормы) статьям 89, 95 и 111 Конституции. В части об оспаривании пункта 65 4-я коллегия Конституционного суда констатировала, что данное в заявлениях юридическое обоснование очевидно не достаточно для удовлетворения иска.

Из заявлений, а также из точек зрения заявителей, которые получены после ознакомления с материалами дела, следует мнение, что помещение заключенных в штрафной изолятор (карцер) считается жестоким, негуманным и унижительным действием и квалифицируется как пытки, так как:

1. Оспариваемый акт предусматривает перед помещением в штрафной изолятор (карцер) отобрать у осужденных продукты питания, но не обеспечивает их в штрафном изоляторе (карцере) ежедневно необходимым минимальным питанием.

2. В штрафном изоляторе (карцере) не обеспечивается питьевая вода. Для питья приходится пользоваться водой, которая предполагается для промывания туалета.

3. В штрафном изоляторе (карцере) не обеспечивается соответствующая для жилых помещений температура воздуха, а одеяло и теплые вещи оспариваемые нормы запрещают брать с собой.

4. Невозможно соблюдать личную гигиену, так как одну и ту же одежду приходится носить до окончания наказания, отбываемого в штрафном изоляторе, независимо от его срока.

5. В некоторых штрафных изоляторах в одноместное помещение помещаются несколько арестованных и единственная имеющаяся в помещении скамейка для сидения может быть использована только по очереди. В свою очередь, за сидение на полу арестованные подвергаются новому дисциплинарному наказанию. Таким образом, помещение в штрафной изолятор (карцер) означает непрерывное стояние на ногах. Причем, К.Зандбергс утверждает, что его поместили в помещение с бетонным полом без стула, на который в дневное время можно было бы сесть, и во время еды также надо было стоять.

6. В одноместную камеру помещается несколько арестованных, и они могут спать на единственной постели только посменно. Причем, спать фактически невозможно, так как запрещено использовать матрас, подушку и одеяло.

7. Предусмотренная пунктом 68 оспариваемого акта возможность подвергнуть арестованного новому дисциплинарному взысканию означает не ограниченные по времени возможности дисциплинарного взыскания и противоречит также принципу справедливости.

8. Оспариваемые нормы запрещают брать с собой в штрафной изолятор (карцер) учебную литературу и религиозную литературу, а также встречаться с капелланом, следовательно, заключенные вынуждены отказываться от своего религиозного убеждения и свободы совести.

9. Оспариваемые нормы не предусматривают возможности жаловаться для обеспечения обоснованного и справедливого применения дисциплинарных взысканий. Так как в штрафной изолятор (карцер) запрещено брать с собой письменные принадлежности и бумагу, не имеется возможности воспользоваться гарантированными статьей 15 Закона о прокуратуре правами, а также реализовать переписку с другими государственными учреждениями.

Заявители указывают, что оспариваемые нормы противоречат не только статьям 95 и 111 Конституции, но и международным актам – статье 3 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека и пункту 37 Европейских правил мест заключения [Рекомендация № R(87)3] и, следовательно, не соответствуют статье 89 Конституции.

К.Зандбергс указывает также на несоответствие оспариваемого акта Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Заявители считают, что при помещении заключенных в штрафной изолятор (карцер) возникает угроза их физическому здоровью вследствие уже упомянутой нехватки продовольствия и питьевой воды, а также психическому здоровью заключенных. Заявители указывают, что попытка самоубийства

В.Сатраутниекса 31 января 2002 года является последствием, вызванным его помещением в штрафной изолятор (карцер).

К.Зандбергс указывает, что в штрафном изоляторе запрещено пользоваться письменными принадлежностями, в том числе при подготовке к собственной защите и работе с материалами своего уголовного дела.

Он также подчеркивает, что помещение в штрафной изолятор означает запрет на переписку с родными, и утверждает, что его родным было запрещено сообщить ему о смерти матери 31 ноября 2001 года.

3. Орган, издавший оспариваемый акт, - Управление мест заключения – в ответе указывает, что оспариваемый акт издан при выполнении Временных правил и соответствует им. Оспариваемый акт только уточняет порядок и условия содержания в следственных тюрьмах или следственных отделениях учреждений лишения свободы лиц, к которым применена предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом мера безопасности – арест, а также осужденных с применением наказания в виде лишения свободы лиц в случаях, установленных Кодексом Латвии об исполнении наказания.

В ответе утверждается, что Управление мест заключения при разработке оспариваемого акта руководствовалось требованиями, выдвинутыми Европейскими Тюремными правилами и Минимальными стандартными правилами режима заключенных, а также нормами Временных правил.

Несмотря на то, что уполномоченное Управлением мест заключения лицо ознакомилось с делом после того, как по нему установлен письменный процесс, мнение по делу Управление мест заключения не представило.

4. При подготовке дела к рассмотрению получены заключения от министра юстиции, заместителя государственного секретаря по вопросам законодательства Министерства юстиции, Генеральной прокуратуры Латвийской Республики, а также Государственного бюро по правам человека.

Министр юстиции И.Лабуцка выражает мнение, что согласно статье 16 Закона об устройстве Кабинета министров Управление мест заключения самостоятельно осуществляет переданные ему законом государственные функции и отвечает за их выполнение. Временные правила, утвержденные на основании пункта 2 статьи 15 Закона об устройстве Кабинета Министров регламентируют только всеобщий порядок содержания арестованных в следственных тюрьмах, но его конкретизация делегирована Управлению мест заключения.

Министр юстиции выражает мнение, что начальник тюрьмы может применять предусмотренное в перечне дисциплинарных взысканий заключение в штрафной изолятор как крайнее средство только к злым нарушителям правил внутреннего тюремного распорядка, когда все прочие примененные виды наказания не дали положительных результатов.

Министерство юстиции информирует, что в местах заключения Латвии карцеров как таковых нет вообще. Штрафные изоляторы по существу являются обычными камерами, в которых арестованные, совершившие грубые или систематические нарушения установленного в следственной тюрьме режима, содержатся в течение установленного времени (до 15 суток) отдельно (изолированно) от прочих арестованных. Штрафной изолятор имеет естественное освещение. Размеры помещения не меньше 1,8 x 2,5 метра. В отличие от других арестованных помещенные в штрафной изолятор

нарушители дисциплины частично ограничены в праве встречаться, приобретать продукты питания, отправлять письма и пользоваться настольными играми, а также брать с собой личные вещи и продукты питания, кроме предметов личной гигиены и всех записей и документов по уголовному делу. Вещи и продукты питания передаются на хранение на тюремный склад и выдаются арестованному сразу после его освобождения из штрафного изолятора. Помещенные в штрафной изолятор арестованные три раза в день получают теплую пищу, а также обеспечиваются установленным врачом питанием, если это необходимо в связи с состоянием здоровья.

Заместитель государственного секретаря по вопросам законодательства Министерства юстиции Г.Кутрис в ответе на вопросы судьи Конституционного суда признает, что статус осужденных лиц регулируется на уровне закона. И хотя арестованных лиц суд не признал виновными в совершении преступления, однако посчитал ограничение свободы данных лиц обоснованным и необходимым. Следовательно, аналогично урегулированный порядок должен распространяться также на задержанных и арестованных лиц, так как при помещении лица в следственную тюрьму государство одновременно как охраняет, так и берет на себя заботу о бытовых условиях, питании, медицинской помощи и безопасности, что означает обеспечение установленного внутреннего распорядка.

Г.Кутрис информирует, что с целью устранения возникшего юридического вакуума изданы Временные правила, которые в настоящее время являются единственным нормативным актом, устанавливающим порядок, обеспечивающийся в тюрьме ее администрацией. Разработан проект правил Кабинета Министров «Правила внутреннего распорядка следственных тюрем». Данный акт планируется принять после того, как вступят в силу нормы УПК, предусматривающие право Кабинета Министров издавать такие правила. В свою очередь, вместе с вступлением в силу нового Уголовно-процессуального закона мог бы вступить в силу также специальный закон о порядке содержания арестованных, разработка проекта которого в Министерстве юстиции уже начата.

Генеральная прокуратура Латвийской Республики выражает мнение, что оспариваемые нормы не нарушают требования Конституции.

Генеральная прокуратура указывает, что данные нормы предусматривают помещение в штрафной изолятор, что не приравнивается к запрещенному международными нормами помещению в карцер. В утвержденной приказом начальника Управления мест заключения № 145 от 6 ноября 2001 года «Инструкции о порядке надзора за арестованными и осужденными лицами» установлено оборудование штрафного изолятора: размеры не меньше чем 1,8 x 2,5 метра, окно, вентиляция, светильник и другие условия.

Одновременно Генеральная прокуратура выражает сомнения в соответствии условий пункта 66 оспариваемого акта требованиям Конституции, так как из данной нормы следует запрет брать с собой в штрафной изолятор, например, очки, витамины, писчую бумагу, ручку и др.

Государственное бюро по правам человека информирует, что получает очень много жалоб от заключенных, в том числе о помещении в штрафной изолятор (карцер). Чаще всего данные жалобы относятся к тому, что

администрация при применении данного наказания не учитывает пояснений заключенных, причем нередко примененное наказание несоразмерно конкретным деяниям.

Основную проблему с точки зрения прав человека Государственное бюро по правам человека видит в том обстоятельстве, что заключенный при нахождении в карцере не имеет возможности обжаловать примененное к нему наказание. Реальная ситуация такова, что заключенный только после отбытия наказания может написать жалобу и почти во всех случаях прокуратура признает, что наказание наложено необоснованно.

Государственное бюро по правам человека выражает мнение, что запрет брать с собой в штрафной изолятор литературу, в том числе духовную, является нецелесообразным и несоразмерным ограничением. Причем, если лицо помещается в штрафной изолятор, нельзя отбирать у него или уменьшать продовольствие.

Государственное бюро по правам человека указывает, что во время поездок в места заключения обычно внимание обращается и на штрафные изоляторы и их практическую работу. Наблюдалось, что обычно к заключенным применяется максимальный срок помещения в штрафной изолятор – 15 дней и, если в данный срок они опять совершают какое-либо дисциплинарное нарушение, он продлевается еще на 15 или даже на 30 дней. Так как в данное время заключенный лишен возможности прогулок, запрещено лежать днем, запрещена литература, помещение маленькое и темное, помещение в штрафной изолятор можно считать безжалостным и унижающим человеческое достоинство наказанием.

Государственное бюро по правам человека также делает вывод, что существующая практика наказания заключенных в Латвии не соответствует ряду международных обязательств Латвии и, следовательно, также статье 89 Конституции.

Часть выводов

1. Согласно статье 111 Конституции «государство защищает здоровье людей и гарантирует каждому минимум медицинской помощи». Содержание данной статьи выясняется в тесной связи со статьей 89 Конституции, которая устанавливает, что государство признает и защищает основные права человека согласно Конституции, законам и обязательным для Латвии международным договорам. «Из данной статьи видно, что целью законодателя не было противопоставление включенных в Конституцию норм прав человека международным нормам прав человека, а прямо противоположное – достижение взаимной гармонии данных норм. В случаях, когда имеются сомнения в содержании включенных в Конституцию норм прав человека, их следует истолковывать по возможности в соответствии с интерпретацией, которая используется в практике применения международных норм прав человека» (*решение Конституционного суда от 30 августа 2000 года по делу № 2000-03-01*).

4 мая 1990 года Верховный Совет, принимая декларацию «О присоединении Латвийской Республики к международным правовым документам по вопросам прав человека», объявил, что признает обязательными

ряд международных документов в области прав человека, в том числе Всеобщую декларацию прав человека ООН от 10 декабря 1948 года и «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» ООН от 16 декабря 1966 года. Статья 25 Всеобщей декларации прав человека ООН устанавливает, что «каждый человек имеет право на такой уровень жизни, включая питание, одежду, жилье, медицинские услуги и нужное социальное обслуживание, которые необходимы для поддержания здоровья и благосостояния его и его семьи», а часть первая статьи 12 упомянутого пакта устанавливает, что «страны-участницы настоящего пакта признают право каждого человека на достижение высшего уровня физического и психического здоровья».

В соответствии с разделом I Европейской Социальной хартии Договаривающиеся стороны целью своей политики, которой следовало бы способствовать всеми подходящими средствами, как национальными, так и международными по своему характеру, признают достижение таких условий, при которых может быть эффективно реализован ряд прав и принципов, в том числе и тот, что «каждое лицо имеет право применять любые меры, которые позволят ему поддерживать по возможности высший уровень здоровья».

«Не ставя под сомнение тесную связь реализации прав с возможностями каждого государства, однако, следует учитывать такой вывод по правам человека – если какие-то социальные права включены в основной закон, государство не может отказаться от них. Данные права уже не носят только декларативный характер» (*Решение Конституционного суда от 13 марта 2001 года по делу № 2000-08-0109*).

При толковании включенных в статью 111 Конституции норм в контексте с упомянутыми международными правовыми документами и практикой их применения из установленного статьей 111 Конституции, а именно, что «государство защищает здоровье людей», следует не только обязанность государства в установленных случаях и на уровне, который тесно связан с экономическими возможностями государства, принимать меры для защиты здоровья людей, но государство обязано также воздерживаться от действий, которые ограничивают возможности каждого лица самому заботиться о защите своего здоровья. То есть, согласно статье 111 Конституции каждое лицо в известных рамках имеет право принимать меры, которые оно считает необходимыми для обеспечения своего здоровья.

Упомянутая норма статьи 111 Конституции не возлагает на государство обязанность обеспечить каждому по возможности высший уровень здоровья, но налагает обязанность защищать право каждого лица достигать и сохранять такое состояние здоровья самому, а также, кроме установленных случаев, обязанность воздерживаться от действий, которые мешают лицу в осуществлении данных прав.

Из решений Конституционного суда по делам № 2001-05-03 и 2001-15-03 также косвенно следует, что статья 111 Конституции включает право заключенных лиц получать полноценное продовольствие, кроме прочего в дополнение к обеспеченному питанию приобретать его в тюремном магазине и – в нынешних условиях – также путем получения его в виде передач.

Лишая заключенных лиц возможности потреблять приобретенные самими или полученные в передачах продукты питания, а также использовать

витамины, ограничиваются гарантированные статьей 111 Конституции основные права данных лиц на защиту здоровья.

Пункт 66 оспариваемого акта устанавливает, что «личные вещи и продовольствие арестованного передаются на хранение на склад, и их возвращают после освобождения из изолятора. Если продукты испортились, об этом составляется акт...» Упомянутый пункт является логичным внутренне и неразрывно связан с пунктом 64 оспариваемого акта, который предусматривает, что «при отбытии дисциплинарного наказания в штрафном изоляторе заключенный может взять с собой только предметы личной гигиены и все записи и документы по уголовному делу». Несмотря на то, что заявители не включили данный пункт в иск, с учетом его неразрывной связи с оспариваемыми нормами Конституционный суд должен рассмотреть также соответствие данного пункта правовым нормам высшей юридической силы.

В пункте 5 приложения 1 «Перечень предметов, вещей и продуктов питания, которые могут находиться у арестованного» оспариваемого акта перечислено, что его издатель считает предметами личной гигиены: туалетное мыло, шампунь, зубная щетка, зубная паста, пластмассовая расческа, мыльница, зеркало карманного размера, одежная и обувная щетка, обувной крем, нитки, кассетная, механическая или электрическая бритва, крем до и после бритья, кремы для лица и рук, иная не содержащая алкоголь косметика. Согласно пункту 6 данного приложения очки, контактные линзы, протезы, костыли, а согласно пункту 3 – также нижнее белье не входят в общность предметов личной гигиены.

Из пунктов 64 и 66 оспариваемого акта следует недвусмысленный запрет для арестованных, которых помещают в дисциплинарный штрафной изолятор, на использование не только купленного самими или полученного от родных продовольствия, но и витаминов, очков, контактных линз и других вещей, которые данные лица считают необходимыми для обеспечения своего здоровья, а также запрет на смену нижнего белья. Таким образом, упомянутые нормы включают ограничение установленных статьей 111 Конституции основных прав и Конституционный суд должен проверить, соответствуют ли данные ограничения Конституции.

2. Статья 116 Конституции устанавливает, что «права лица, установленные статьями девяносто шестой, девяносто седьмой, девяносто восьмой, сотой, сто второй, сто третьей, сто шестой и сто восьмой Конституции, могут быть ограничены в предусмотренных законом случаях, чтобы защитить права других людей, демократический государственный строй, безопасность, благосостояние и нравственность общества. На основании упомянутых в данной статье условий может быть ограничено также выражение религиозных убеждений.»

В статье 116 Конституции не упомянуты гарантированные статьей 111 права, но это не означает, что данные основные права являются абсолютными и на них нельзя установить ограничения. Конституция является единым целым, и включенные в нее нормы толкуются системно. Предположение, что для предусмотренных статьей 111 Конституции прав каждого конкретного лица вообще нельзя установить ограничения, вступило бы в противоречие как с гарантированными другими статьями Конституции основными правами других лиц, как с установленной статьей 89 Конституции обязанностью государства

защищать основные права лица, как с предусмотренными самой статьей 111 правами других лиц на здоровье, так и с другими нормами Конституции.

Для установленных статьей 111 Конституции основных прав лица можно установить ограничения, чтобы защитить другие гарантированные Конституцией ценности, кроме прочего основные права других лиц и демократический государственный строй.

Однако, это не означает, что такие ограничения допустимы в любой форме. Конституция как единый документ требует, чтобы ограничения гарантированных в ней основных прав были установлены в приемлемом для демократического государства виде, то есть, законом или на его основе.

Причем ограничения допустимы только постольку, поскольку они необходимы для достижения упомянутой цели, то есть, они должны быть соразмерными (пропорциональными) данной цели.

Часть первая статьи 31 Европейской Социальной хартии также предусматривает, что «эффективно осуществляемые права и принципы, упомянутые в разделе I, и их эффективное использование согласно условиям раздела II не подпадает ни под какие ограничения или лимиты, не упомянутые в данных разделах, кроме тех, которые устанавливаются законом и которые необходимы в демократическом обществе для защиты прав и свобод сограждан или защиты интересов общества, национальной безопасности, общественного здоровья или морали».

Таким образом, для оценки того, соответствуют ли включенные в оспариваемые нормы ограничения статье 111 Конституции, следует констатировать, являются ли данные ограничения:

- 1) установленными законом или на его основе;
- 2) оправданными легитимной целью;
- 3) соразмерными (пропорциональными) данной цели.

3. Статья 94 Конституции устанавливает, что «каждый имеет право на свободу и неприкосновенность лица. Никого нельзя лишать свободы или ограничивать ее иначе, как только по закону». Конституция допускает ограничение свободы в установленных законом случаях, в установленном законом порядке и с установленной законом целью.

Свобода арестованных лиц ограничена на основании УПК, в установленном УПК порядке и с целью, которая следует из соответствующих норм УПК, а именно, чтобы предотвратить возможность, что обвиняемый или подсудимый, будучи на свободе, уклонятся от следствия и суда или воспрепятствуют выяснению правды по уголовному делу, в том числе угрожая или влияя на свидетельствующих по уголовному делу лиц, либо совершат преступное действие, а также чтобы обеспечить исполнение приговора.

Ни Конституция, ни УПК не регулируют вид и порядок достижения данной цели, а именно, не устанавливают, где и как содержать арестованных лиц и какие конкретно ограничения на них налагаются. То, что какое-то лицо находится в заключении, а именно, что для данного лица ограничены в установленном законом порядке установленные статьей 94 Конституции основные права, еще не значит, что для данного лица «комплексно» ограничены и другие гарантированные статьями Конституции основные права или что данное лицо утрачивает упомянутые основные права, либо находится в каком-

либо особом статусе, в соответствии с которым исполнительная власть может свободно ограничивать его основные права по своему усмотрению.

Дополнив Конституцию главой 8 «Основные права человека», законодатель установил в государстве такую систему ценностей, которая признает защиту достоинства и свободы человека высшей целью всех прав. Из установленного статьей 89 Конституции, что «государство признает и защищает основные права человека», следует, что основные права человека обязательны для государственной власти в любой форме его выражения.

Основные права действуют напрямую. Их ограничение в любой области иначе, чем в установленном Конституцией порядке, противоречило бы данному принципу. Как Конституционный суд уже сделал вывод, «основные права заключенных следует ограничивать также исключительно законом или на основе закона» (*решение от 19 декабря 2001 года по делу №2001-05-03*).

Оспариваемый акт издан на основе Временных правил. Временные правила, в свою очередь, изданы «в связи с переходом Управления мест заключения под надзор Министерства юстиции». Таким образом, ни оспариваемый акт, ни предусмотренные Временными правилами ограничения не установлены ни законом, ни на основе закона.

Как Конституционный суд уже сделал вывод: «Временные правила изданы со ссылкой на пункт 2 части первой статьи 15 Закона об устройстве Кабинета Министров, который устанавливает, что министр может издавать обязательные для подчиненных себе органов инструкции, если соответствующий вопрос не урегулирован законом или правилами Кабинета Министров. Распоряжением № 1-1/187 предусмотрено, что с Временными правилами следует ознакомить персонал Управления мест заключения и находящихся в его подчинении учреждений. Ни Временные правила, ни уточняющие их Правила внутреннего распорядка не объявлены для всеобщего сведения. Следовательно, Временные правила и Правила внутреннего распорядка являются внутренними нормативными актами» (*решение от 19 декабря 2001 года по делу № 2001-05-03*) и не могут являться достаточным основанием для установления ограничений основных прав.

Однако, следует учитывать, что глава 8 Конституции действует с 6 ноября 1998 года. Законодатель, принимая данную главу, предусмотрел порядок содержания заключенных таким, каким он должен быть, но отсутствует какое-либо указание на то, что законодатель руководствовался соображением, что упомянутую область следует упорядочить на законодательном уровне сразу после вступления в силу главы 8 Конституции. Система ценностей Конституции выдвигает перед законодателем задачу обеспечить в разумный период времени учреждение порядка, соответствующего главе 8 Конституции.

Рассмотрев вопрос о том, превышен ли уже данный срок и можно ли увидеть допущенное законодателем нарушение основных прав, следует учитывать и то, что в момент вступления в силу главы 8 Конституции в Латвии существовал унаследованный еще от советского режима порядок, когда места заключения находились в ведении Министерства внутренних дел. В течение года после вступления в силу главы 8 Конституции законодатель реализовал существенно важный шаг – перестроил систему таким образом, что места заключения находятся в ведении Министерства юстиции. 30 июня 2002 года Сэйма приняла закон «Изменения в Уголовно-процессуальном кодексе»,

который вступил в силу 1 ноября 2002 года. Данный закон предусматривает, что «арестованные лица содержатся в следственной тюрьме или отделении следственной тюрьмы, которое образовано в тюрьме иного вида». В свою очередь, «порядок помещения и размещения арестованных, их распорядок дня, права и обязанности, медицинское обслуживание и материальное обеспечение, меры безопасности, порядок освобождения арестованных из следственной тюрьмы или перевода в другое учреждение лишения свободы устанавливается Кабинетом Министров».

Одновременно, как это следует из информации заместителя государственного секретаря Министерства юстиции, вместе с вступлением в силу нового Уголовно-процессуального закона мог бы вступить в силу также специальный закон о порядке содержания арестованных, разработка проекта которого уже начата в Министерстве юстиции.

Таким образом, усматривается последовательное движение к тому, чтобы в разумный период времени был установлен порядок содержания арестованных лиц в соответствующем требованиям Конституции виде.

Конституционные суды других государств также в некоторых случаях допускали, что «ограничения основных прав заключенных лиц, которые не обоснованы законом, следует допускать еще в течение известного переходного периода, пока законодатель имеет возможность в соответствии с сегодняшним пониманием об основных правах издавать закон о выполнении наказаний, в котором ограничения основных прав строго установлены. Однако, данный срок должен быть ограниченным» [*решение 2-го Сената Германского Федерального Конституционного суда от 14 марта 1972 года по делу № 2BvR 41/71 (BverfGE 33,1)*].

Следует учитывать, что Временные правила и оспариваемый акт в целом направлены на установление порядка в следственных тюрьмах, кроме прочего на защиту всех основных прав лиц, находящихся в данных местах лишения свободы, а также на защиту основных прав и безопасности обслуживающего персонала.

Положение, которое создалось бы, если вообще ни один акт данную область не регулировал, было бы еще больше не соответствующим Конституции чем нынешнее.

Было бы допустимо, что оспариваемый акт, несмотря на то, что по форме издан *ultra vires*, однако остается в силе до момента вступления в силу соответствующей нормы статьи 76 УПК и предусмотренных в ней правила Кабинета Министров. Однако, данный срок не может превышать 1 мая 2003 года. Действие оспариваемых норм после данного срока противоречило бы прежде всего статье 64 Конституции, которая устанавливает, что законодательное право принадлежит Саэйме, а также народу в порядке и объемах, предусмотренных Конституцией.

Однако, это не означает, что в данный период допустимо любое ущемление основных прав заключенных лиц. В отношении каждой конкретной нормы следует проверить, ущемляет ли она по существу основные права заключенных лиц в допустимой форме.

4. «К лицам, которые находятся в предварительном заключении, относится презумпция невиновности, которая следует из части второй статьи 6 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека. По

данной причине они не могут быть подвержены никакому предварительному исполнению наказания» (MünchKffn G., Gatzweiler N. Das Recht der Untersuchungshaft, 2. Auflage, München, Verlag C.H. Beck, 2002, S.192).

Второе предложение статьи 92 Конституции устанавливает презумпцию невиновности, поэтому установленное для каждого арестованного, но не осужденного лица ограничение соразмерно с данным принципом. В отношении лиц, которые считаются невиновными до доказательства их вины, допускаются только такие ограничения, которые необходимы для совершения уголовно-процессуальных действий, а также поддержания порядка и безопасности в месте заключения.

Для устранения упомянутых в статье 68 УПК обстоятельств, а именно, чтобы обвиняемый или подсудимый не уклонялся от следствия и суда или не препятствовали выяснению правды по уголовному делу, не угрожали или не влияли на свидетельствующих по уголовным делам лиц, или не совершали преступных деяний, а также чтобы было обеспечено исполнение приговора, признается законной цель, из-за которой можно ограничить основные права заключенных лиц. В данном случае защищается демократический государственный строй и права других лиц. Также законной признается цель поддержания должного порядка в месте заключения, насколько она направлена на другое заключенное лицо, а также на защиту прав и безопасности персонала.

Причем, при предусмотрении дисциплинарных наказаний – средств, направленных на соблюдение соответствующих ограничений, усматривается упомянутая легитимная цель. Однако, легитимная цель у дисциплинарного взыскания имеется постольку, поскольку оно применяется за несоблюдение таких ограничений, которые соответствуют системе ценностей Конституции и цели ограничения свободы в следственных тюрьмах.

Предусмотренные пунктами 64 и 66 оспариваемого акта ограничения основных свобод, установленных статьей 111 Конституции, которые кроме прочего не позволяют заключенным лицам брать с собой в штрафной изолятор и, следовательно, пользоваться витаминами, очками, контактными линзами, а также не предусматривают возможности менять белье во время всего срока отбытия наказания, несмотря на то, что установлены с легитимной целью, являются несоразмерными ей и в демократическом обществе в них отсутствует необходимость.

Таким образом, пункты 64 и 66 оспариваемого акта противоречат статье 111 Конституции.

5. Заявители считают, что оспариваемые нормы противоречат статье 95 Конституции, которая устанавливает, что «государство защищает честь и достоинство человека. пытки, другое жестокое или унижающее достоинство отношение к человеку запрещено. Никого нельзя подвергать жестокому или унижающему достоинство человека наказанию.»

Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, которая в Латвии действует с 14 мая 1992 года, предусматривает, что «каждая страна-участник осуществляет эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для устранения актов пыток на любой подчиненной ее юрисдикции территории».

В данной конвенции пытками «обозначается любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная физическая или моральная боль либо страдания с целью получить от него или от третьего лица сведения или признание, наказать его за действия, которые совершило данное лицо или третье лицо либо за совершение которых оно подозревается, а также с целью запугать или заставить данное лицо или третье лицо либо по любой другой причине, которая основана на дискриминации любого характера, если такую боль или страдания причиняет государственное должностное лицо или другое официальное лицо либо она причиняется вследствие натравливания, совершенного данным должностным лицом или официальным лицом, или с их ведома или тихого согласия. Данным термином не обозначается боль или страдания, которые возникают только в результате законных санкций, неотделимы от данных санкций или данные санкции вызывают их случайно.»

Статья 3 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека устанавливает, что «ни одного человека нельзя подвергать пыткам или жестоко либо унижающе к нему относиться».

Содержание и границы статьи 95 Конституции выясняются с учетом упомянутых международных документов, а также практики их применения.

Европейский Суд по правам человека многократно отмечал, что статья 3 конвенции включает одну из основных ценностей демократического общества. Она запрещает пытки, бесчеловечное или унижающее отношение независимо от обстоятельств и поведения жертвы (см. дело *Labita v/ Italy*, 06.04.2000).

Одновременно суд напоминает, что уровень плохого поведения должен существенно ощущаться, чтобы можно было сослаться на статью 3 конвенции. Оценка серьезности ситуации обычно является достаточно относительной; она зависит от всех обстоятельств дела, как, например, длительности плохого поведения, физического и духовного влияния и в некоторых случаях даже пола, возраста и состояния здоровья жертвы. Кроме того, при решении, является ли обхождение унижительным в значении статьи 3, суд должен учитывать, являлось ли целью упомянутого обхождения унижение лица и оставили ли последствия обхождения такое влияние на конкретное лицо, которое несоизмеримо со статьей 3. Но даже отсутствие такой причины не исключает возможности, что могут быть нарушены включенные в статью 3 нормы (см. дело *Pears v. Greece*, 19.04.2001).

Лишение какого-либо лица свободы уже само по себе включает элементы унижения. Но государство должно обеспечить в местах заключения такие условия, которые не унижают достоинство человека и не подвергают человека настолько большим трудностям и страданиям, которые превышают уровень допустимых страданий, а также то, что режим заключения позволит сохранить здоровье и соответствующее обстоятельствам благополучие (см. дело *Kudla v. Poland*, 26.10.2000).

Европейский Суд по правам человека по делу «Валасинс против Литовского государства» (*Valasinas v. Lithuania*, 24.07.2001) кроме прочего оценивал, соответствует ли помещение лица в дисциплинарный изолятор (карцер) тюрьмы Литвы требованиям статьи 3 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека. Заявитель утверждал, что он был помещен в карцер величиной примерно шесть квадратных метров, где он должен был находиться вместе с еще одним лицом. В помещении был сухой

туалет, раковина, чтобы умыться, и стол в середине помещения. Когда делегаты Европейского Суда по правам человека посещали тюрьму и находящийся в ней карцер, было констатировано, что «это узкое помещение, в которое можно поместить двух человек. Днем кровати пристегиваются к стене как спальные места в вагоне. В камере находятся низкие скамейки и полка, а также отдельный закрытый унитаз и таз для мытья.» Ознакомившись с сообщением делегатов об условиях в карцере, Европейский Суд по правам человека посчитал, что заключение заявителя в течение 15 дней в карцере не считается нарушением статьи 3 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека.

Из заявлений следует, что заявители оспаривают соответствие дисциплинарного наказания «помещение в штрафной изолятор» требованиям Конституции и упомянутых международных документов.

Помещение «в штрафной изолятор» (*punishment cell*) предусмотрено также законами демократических государств, признано допустимым как в практике Европейского Суда по правам человека, так в практике конституционных судов многих государств.

Ущемление основных прав усмотрено не в виде наказания «помещение в штрафной изолятор» (или согласно предыдущей терминологии – в карцер), а в условиях, в которых заключенный находится в данном помещении, а также в том, насколько обоснованно наложено соответствующее наказание.

Как следует из письма министра юстиции, Временные правила предусматривают помещение лица в следственный изолятор, который является помещением с естественным освещением, с размерами не меньше 1,8 x 2,5 метров, только частично ограничивают право наказанных лиц на свидания, приобретение продуктов питания, отправление писем и пользование настольными играми, а также на взятие с собой личных вещей и продуктов питания, кроме предметов личной гигиены и всех записей и документов по уголовному делу.

Таким образом, помещение в штрафной изолятор само по себе не предусматривает жестокого или унижающего человеческое достоинство наказание или такое обращение с помещенными в дисциплинарный изолятор лицами, которое можно было бы считать нарушением статьи 95 Конституции.

В случаях, когда лица помещаются в штрафной изолятор, который не соответствует упомянутым требованиям, применяющие дисциплинарное взыскание лица своим действием сами допускают нарушение Временных правил, а также других правовых норм. Согласно Закону о прокуратуре оценка таких случаев находится в компетенции прокуратуры Латвийской Республики. Также в компетенции прокуратуры Латвийской Республики находится оценка того, не усматриваются ли в действиях каждого конкретного должностного лица нарушения статьи 95 Конституции и других правовых норм.

Так как в компетенции Конституционного суда находятся только вопросы соответствия включенных в соответствующий нормативный акт норм, Конституционный суд воздерживается выразить мнение о том, оценивается ли конкретное действие в отношении заявителей, на что указано в заявлениях, как нарушение статьи 95 Конституции.

6. Заявители в заявления включили требование о соответствии оспариваемых норм только статьям 89, 95 и 111 Конституции. Но, при обосновании, почему помещение заключенных в штрафной изолятор (карцер)

считается жестоким, негуманным и унижающим действием и квалифицируется как пытки, заявители по существу указали на несколько ограничений основных прав, гарантированных другими статьями главы 8 Конституции.

Упомянутое в статье 92 Конституции понятие «справедливый суд» понимается также как подобающий, соответствующий правовому государству процесс, в котором соответствующее дело рассматривается. Кроме прочего это требует, чтобы обвиняемому было обеспечено право на достаточное время и средства на подготовку своей защиты. И хотя оспариваемые нормы позволяют брать с собой в штрафной изолятор все материалы по уголовному делу, следующий из них запрет брать с собой в штрафной изолятор любую бумагу и письменные принадлежности в случаях, когда лицу необходимо подготовить свою защиту, ограничивает данные права.

Статья 104 Конституции гарантирует каждому право обращаться в государственные учреждения и учреждения самоуправления с заявлениями и получать ответ по существу. Следующий из пунктов 64 и 66 оспариваемого акта запрет брать с собой в штрафной изолятор бумагу, письменные принадлежности и конверты делает реализацию данного права практически невозможным и таким образом его ограничивает.

Первое предложение статьи 100 Конституции гарантирует каждому право на свободу слова, что включает право свободно получать, держать и распространять информацию, выражать свои взгляды. Следующий из пунктов 64 и 66 оспариваемого акта запрет брать с собой в штрафной изолятор предметы, которые разрешено держать в камере - газеты, книги, журналы, письма, малогабаритные телевизоры и радиоаппаратуру без возможности звукозаписи и др. – налагает дополнительные ограничения на данные права.

Статья 99 Конституции гарантирует каждому право на свободу мысли, сознания и религиозного убеждения. Аналогичные права предусматривает также статья 9 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека. Хотя Европейская Комиссия по правам человека и Европейский Суд по правам человека усмотрели широкие возможности для свободы действия государства в отношении ограничений для находящихся в заключении лиц в данной области, все же данные ограничения вначале должны быть установлены в должном порядке.

Статья 116 Конституции предусматривает, что право лица, установленное статьей 100 Конституции, можно ограничивать в предусмотренных законом случаях для защиты прав других людей, демократического государственного устройства, безопасности, благосостояния и нравственности общества. На основе упомянутых в данной статье условий можно ограничивать также выражение религиозных убеждений.

Как ранее сделан вывод, включенные в оспариваемые нормы ограничения не установлены законом или на его основе. Следовательно, сомнительно их соответствие также требованиям упомянутых статей Конституции.

7. Пункт 59.1.6 оспариваемого акта устанавливает, что дисциплинарное взыскание – помещение в штрафной изолятор, - вправе наложить начальник тюрьмы. Такой порядок действует не только в Латвии, но и в нескольких других странах Европы. Начальник тюрьмы является достаточно высоким и ответственным должностным лицом, чтобы принимать решения о данном

дисциплинарном взыскании. Пункт 59.1.6 оспариваемого акта неразрывно связан с пунктом 62 и приложением 6 оспариваемого акта. По существу заявители оспаривают именно данные нормы, так как порядок принятия решения о наложении дисциплинарного взыскания не урегулирован в соответствии с требованиями демократического и правового государства.

Верховный Совет Латвийской Республики 4 мая 1990 года при принятии декларации «О присоединении Латвийской Республики к международным правовым документам по вопросам прав человека» кроме прочего признал обязательными «Минимальные стандартные правила обращения с заключенными» [приняты на первом конгрессе ООН о предотвращении преступлений и обращении с нарушителями закона, Женева, 1955 год; поддержаны резолюцией 663 С (XXIV) Экономического и социального совета ООН от 31 июля 1957 года и резолюцией 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года]. Пункт 2 включенного в раздел «Дисциплина и наказания» упомянутых стандартных правил основного принципа 30 предусматривает, что «ни одного заключенного нельзя подвергнуть наказанию, не проинформировав его заранее о нарушении, в совершении которого он обвиняется, и дав ему должной возможности высказаться в свою защиту. Компетентные органы власти должны производить тщательное рассмотрение каждого такого дела.»

Пункт 1 основного принципа 31 упомянутых стандартных правил устанавливает, что «наказания, предусматривающие строгое заключение или уменьшение продовольствия, можно налагать только после того, как заключенного осмотрел врач, которому в письменной форме следует подтвердить, что заключенный может выдержать такое наказание».

В свою очередь положение 31 Европейских правил мест заключения [*Рекомендация № R(87)3; 12 февраля 1987 года принял Комитет министров Европейского Совета*] кроме прочего предусматривает, что в отношении дисциплинарных взысканий также следует установить процесс апелляции, ответственный за это орган и возможности его использования.

Необоснованным является следующее из заявлений мнение, что оспариваемый акт не соответствует статье 89 Конституции только потому, что в нем нарушены требования Европейских правил мест заключения. Однако, несмотря на то, что оба упомянутых акта имеют рекомендательный характер, включенные в них нормы следует использовать при толковании содержания и рамок гарантированных Конституцией прав.

Статья 89 Конституции истолковывается системно, во взаимосвязи с другими статьями Конституции. Это кроме прочего налагает обязанность на органы государственной власти принять необходимые меры по обеспечению защиты гарантированных Конституцией основных прав и выполнению норм международных правовых актов, которые Латвия признала обязательными для себя в должном порядке. Однако, данная статья не налагает обязанности обеспечить выполнение международных правовых норм, которые не обязательны для Латвии, поскольку они не охвачены гарантированными Конституцией основными правами и не следуют из них.

Статья 89 Конституции предусматривает, что «государство признает и защищает» основные права человека. При рассмотрении этого во взаимосвязи с принципом правового государства и принципом пропорциональности, который следует из статьи 1 Конституции, видно, что меры, связанные с ограничениями

основных прав, допускаются только в объеме, который необходим для достижения соответствующей легитимной цели. Государственная власть при издании актов нормативного характера должна предусмотреть процедуру, которая максимально направлена на то, чтобы каждое применение наказания, связанное с ограничениями основных прав, происходило только после того, как разносторонне выяснены обстоятельства дела, кроме прочего выслушаны также пояснения виновного лица. Причем, суровость наказания должна соответствовать тяжести совершенного нарушения и цели, с которой наказание налагается, а также должна быть предусмотрена возможность обжаловать данное наказание в установленном порядке.

В оспариваемом акте не обеспечено выполнение упомянутых условий. В приложении 6 к данному акту отсутствует графа, в которую следует записать пояснения наказанного лица, и не указана возможность обжаловать решение прокурору.

Прежде всего это противоречит части первой статьи 15 Закона о прокуратуре, которая кроме прочего предусматривает, что прокурор в установленном законом порядке осуществляет надзор за «местами, где содержатся арестованные, задержанные и содержащиеся под охраной лица». Из письма заместителя обер-прокурора Специализированной многоотраслевой прокуратуры А.Гегерса от 21 февраля 2002 года следует, что вопрос о возможности для помещенных в штрафные изоляторы лиц писать жалобы «был фактически решен пояснительным письмом начальника Управления мест заключения всем начальникам тюрем 3 января 2002 года». Но в оспариваемом акте возможность жаловаться на ущемление своих прав не предусмотрена. Причем, пункты 64 и 66 оспариваемого акта лишают практической возможности писать жалобы.

Таким образом, пункты 64 и 66 оспариваемого акта, а также приложение 6 не соответствуют статье 89 Конституции.

Конституционный суд обращает внимание также и на то, что включенное в графу «имя, фамилия, отчество» упомянутого приложения требование указать отчество не соответствует нормам латышского литературного языка. Следовательно, ставится под сомнение соответствие данной графы требованиям части первой статьи 8 и части первой статьи 23 Закона о государственном языке, которые соответственно устанавливают, что «в государственных учреждениях и учреждениях самоуправлений ... в делопроизводстве и документах используется государственный язык» и что «в официальном общении латышский язык используется с соблюдением существующих норм литературного языка».

8. Временные правила уполномочивают Управление мест заключения устанавливать лиц, которые правомочны налагать дисциплинарные взыскания. Однако, Временные правила не уполномочивают Управление мест заключения предусматривать дополнительные случаи, когда следует применять дисциплинарное взыскание – помещение в штрафной изолятор.

Временные правила предусматривают, что поместить в штрафной изолятор можно только лиц, которые совершали грубые или систематические нарушения режима, установленного в следственной тюрьме. Нормы Временных правил относятся ко всем нарушениям режима, установленного в следственной тюрьме, кроме прочего также к нарушениям режима, установленного в

изоляторе. Временные правила, как это указывает также министр юстиции, помещение в штрафной изолятор предусматривают как крайнее средство к злостным нарушителям правил внутреннего тюремного распорядка, когда все прочие примененные виды наказания не дали положительного результата.

Пункт 68 оспариваемого акта в свою очередь устанавливает, что «к арестованным, которые нарушают установленный в штрафном изоляторе режим, могут применяться все предусмотренные наказания и меры безопасности, в том числе повторное помещение в штрафной изолятор.» Из данного пункта следует, что за каждое нарушение установленного в штрафном изоляторе режима можно применять любое из предусмотренных дисциплинарных взысканий. Это противоречит Временным правилам, которые исчерпывающе перечисляют случаи, при которых на заключенных налагаются дисциплинарные взыскания, кроме прочего наиболее тяжкое из них – помещение в штрафной изолятор.

Таким образом, данная оспариваемая норма предусматривает применение дисциплинарного взыскания, которое связано с ограничениями основных прав, в таком объеме, в каком нет необходимости для достижения соответствующей легитимной цели, и, следовательно, противоречит предусмотренному статьей 89 Конституции, что «государство признает и защищает» основные права человека.

Заключительная часть

На основании статей 30-32 Закона о Конституционном суде Конституционный суд **решил**:

1. Признать пункты 64 и 66 утвержденных приказом № 63 Управления мест заключения от 9 мая 2001 года «Правил внутреннего распорядка следственных тюрем» не соответствующими статьям 64, 89 и 111 Конституции Латвийской Республики и недействительными со дня опубликования решения.

2. Признать пункт 68 и приложение 6 утвержденных приказом № 63 Управления мест заключения от 9 мая 2001 года «Правил внутреннего распорядка следственных тюрем» не соответствующими статьям 64 и 89 Конституции Латвийской Республики и недействительными со дня опубликования решения.

3. Признать утвержденные приказом № 63 Управления мест заключения от 9 мая 2001 года «Правила внутреннего распорядка следственных тюрем» в прочей части не соответствующими статье 64 Конституции Латвийской Республики и недействительными с 1 мая 2003 года.

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель заседания Конституционного суда

А.Эндзиньш